

Изданія книгоиздательства „МОЛОДАЯ РОССІЯ“.
Москва. Б. Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 2. Телефонъ № 122—75.

К. Качуровскій. Народное право. 90 коп.

Серія под редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ. 10 к.
Подольнинъ. Классовая пролетарская борьба. 10 к.
М. Рааайловъ. О критикѣ и догмѣ, теорія и практикѣ. 7 к.
В. Черновъ. Къ теоріи классовой борьбы. 10 к.
К. Тарасовъ. Мировой ростъ и кризисъ социализма. 10 к.
И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. 25 к.
П. Вихляевъ. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. 20 к.
Н. Максимовъ. Къ критикѣ марксизма. 10 к.
А. Рудинъ. На ту же тему. (Еще объ аграрн. экскурс. рос. соц.-дем.). 20 к.
Л. Шишко. Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Германіи. 20 к.
П. Вихляевъ. Право на землю. 10 к.
Фр. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Съ предисловіемъ Р. Росса. 18 к.
П. Лавровъ. Знание и революція. 10 к.
А. Б.—Ий. Что такое народовластіе. 4 к. (Попул. библ. № 1).
Н. М. На войну. 4 к. (Попул. библ. № 3).
Н. Максимовъ. Праздникъ труда. 3 к. (Попул. библ. № 2).
В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. 30 к.
П. Поливановъ. „Кончился“. Разсказъ. Съ портр. и біогр. авт. 8 к.
Амари. Стихотворенія. 10 к. (Распр.).

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Зиминъ. Нужда крестьянская. (Попул. библ.).
О. Сибирскій. Очередной вопросъ.
Ш. Горцевъ. Какъ грузинскіе крестьяне борются за свободу. (П. б.).
Ш. Андлеръ. Комментаріи къ Коммун. Манифесту.
И. Черновъ. Луи-Бланъ.
Любомудровъ. Земля и воля.
Дм. Самойловъ. Кризисъ и безработица. (Попул. библ.).
Подольнинъ. Современный анархизмъ.
М. Ратнеръ. Аграрный вопросъ и социаль-демократія.
В. Лункевичъ. Н. К. Михайловскій.

Условія: Выпущивающіе на сумму не менѣе 3 рублей за пересылку не платятъ. Книжныя магазины въ складѣ и его отдѣленіяхъ пользуются скидкой въ 25%. При заказахъ по московскому адресу на сумму не менѣе 25 руб. пересылка по жел. дорогѣ (въ пред. Европ. Россіи) принимается на счетъ издательства. Требованія изъ тѣхъ городовъ, гдѣ имѣются отдѣленія, въ главномъ складѣ не исполняются.

Складъ изданій: Москва, Большая Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 2.

Отдѣленія склада: С.-Петербургъ: Кн. складъ „Библиотечное дѣло“. Невскій, 42. Кн. магазинъ В. П. Крайнихфельдъ, Английскій пр., № 40. —Одесса: Книжный магазинъ Е. П. Распопова, Дерибасовская. —Нижній-Новгородъ: Книжн. маг. „Новъ“, Осыпная, 14. —Баку: Книжный магазинъ „Сотрудникъ“ М. А. Сундукянцъ. —Смоленскъ: Книжный маг. „Молодая Россія“, Благовѣщенская. —Варшава: Контора „Крестьянской газеты“. 2-я Академическая, домъ Говорова. —Курскъ: Кн. маг. „Народная Польва“ Е. Сапуновъ.

Книгоиздательство „Молодая Россія“.

Л. Шишко.

Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Термакіи.

Цѣна 20 коп.

МОСКВА.

1906.

И 54 $\frac{6-6}{1}$

И 54

И 54 $\frac{6-6}{1}$

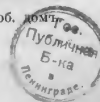
Книгоиздательство «МОЛОДАЯ РОССИЯ».

Л. Шишко.

**Рабочее движение
и его
аграрная программа
въ Германіи.**

Цена 20 коп.

МОСКВА,
Типографія А. П. Поплавскаго, Покровка, Лилинъ пер., соб. домъ.
1906.

Дозволено цензурою. Р./Д. 17 августа 1905 года.

I.

Германское рабочее движение в течение всей своей, уже довольно продолжительной, истории всегда стремилось быть исключительно движением промышленного пролетариата. Больше чем во всех других европейских странах оно стремилось замкнуться в рамки чисто городского рабочего движения и самым тесным образом связать себя с развитием крупной капиталистической промышленности. Таким оно было до сих пор и таким оно должно будет оставаться впредь — по крайней мере, по мнению наиболее выдающегося из его современных теоретиков: «Социаль-демократия всегда останется в своем существе пролетарской городской партией, всегда останется партией экономического прогресса», — говорит в своей книге об аграрном вопросе Карл Каутский¹⁾.

Но несмотря на то, что немецкое рабочее движение, как в своей программе, так и в своей тактике всегда оставалось городским и пролетарским рабочим движением, отсюда еще вовсе не следует заключать, чтобы оно не интересовалось очень серьезно аграрным вопросом. Напротив того, вопрос о законах развития сельскохозяйственного производства и об общественной роли крестьянства всегда составлял для него один из самых живучих вопросов, причем это происходило в значительной степени именно оттого, что оно занимало в этом вопросе очень определенную и резко-отрицательную позицию, которую ему приходилось отстаивать от всяких попыток внести в нее какие-бы то ни было изменения. Не удивительно поэтому, что дебаты по крестьянскому вопросу заняли очень видное место в истории

¹⁾ Die Agrarfrage. Stuttgart. 1899, стр. 439.

развитія нѣмецкой соціально-демократической мысли; они происходили, какъ извѣстно, на двухъ партійныхъ конгрессахъ, Франкфуртскомъ и Бреславльскомъ, и вызвали затѣмъ появленіе наиболѣе крупныхъ новѣйшихъ работъ изъ-подъ пера современныхъ нѣмецкихъ партійныхъ теоретиковъ.

Такое значительное вниманіе, удѣлявшееся нѣмецкой рабочей партіей вопросамъ о деревнѣ, о земледѣліи и о крестьянствѣ, такъ далеко, повидимому, отстоявшимъ отъ прямыхъ задачъ городского рабочаго движенія, объяснялось, конечно, не одними только теоретическими интересами; оно зависѣло въ значительной степени также и отъ того, что представители этого движенія не могли не понимать огромнаго практическаго вліянія, какое должно было въ концѣ концовъ оказывать на судьбы городского рабочаго движенія то или иное отношеніе къ нему крестьянскихъ массъ и деревенской глуши. Отдѣленные отъ него какъ-бы непроходимую пропастью, эти крестьянскія массы и эта деревенская глушь стояли тѣмъ не менѣе передъ нимъ воочию, не только въ видѣ таинственнаго и чуждаго ему элемента, но также и въ видѣ грознаго призрака. Теоретическое отчужденіе отъ деревни всегда сопровождалось въ рядахъ нѣмецкой рабочей партіи *боязнью* этой деревни, опасеніемъ встрѣтить въ ней противника своимъ стремленіямъ и союзника своихъ непримиримыхъ враговъ.

Уже на самыхъ первыхъ шагахъ своего развитія нѣмецкому рабочему движенію пришлось столкнуться съ вопросомъ объ отношеніи къ нему крестьянскихъ массъ, причемъ дѣло шло на этотъ разъ ни болѣе ни менѣе какъ о томъ положеніи, которое оно должно было занять по отношенію къ одной изъ принципиальныхъ резолюцій Базельскаго конгресса Международной Рабочей Ассоціаціи.—резолюціи, касавшейся права частной собственности на землю.

Это происходило въ концѣ 60-хъ годовъ. Возникшая незадолго передъ тѣмъ Международная Рабочая Ассоціація (1864 г.) собиралась тогда ежегодно на свои конгрессы, главная задача которыхъ заключалась въ формулировкѣ общихъ принципиальныхъ требованій международного рабочаго движенія. Такъ какъ земельный вопросъ представлялъ собою одинъ изъ основныхъ вопросовъ, опредѣ-

ляющихъ общее положеніе рабочаго класса, то не мудрено, что и этотъ вопросъ былъ очень скоро поставленъ на очередь. Уже на второмъ съѣздѣ въ Лозаннѣ, въ 1867 году, бельгійскій делегатъ Цезарь-де-Палъ внесъ на обсужденіе конгресса требованіе, касавшееся обобществленія земли. Такъ какъ это требованіе, поддержанное англійскими и нѣмецкими делегатами, встрѣтило рѣзкій протестъ со стороны французскихъ делегатовъ, слѣдовавшихъ ученію Прудона, который признавалъ частную собственность на землю важной гарантіей «личной свободы», то вопросъ остался на этотъ разъ не рѣшеннымъ и былъ перенесенъ на слѣдующій конгрессъ, состоявшійся въ Брюсселѣ въ 1868 году. Тамъ была принята значительнымъ большинствомъ голосовъ (30-ю противъ 4-хъ, при 15-ти воздержавшихся) резолюція въ пользу перехода частной собственности на землю въ общественную. Но, такъ какъ и на этотъ разъ французскіе делегаты или вотировали противъ резолюціи, или же воздерживались отъ голосованія, то для окончательнаго выясненія дѣла рѣшено было подвергнуть вопросъ новому обсужденію и новому голосованію на базельскомъ конгрессѣ 1869 года, на которомъ присутствовало уже 78 делегатовъ, причемъ цѣлая треть изъ нихъ принадлежала французамъ. И вотъ на этомъ базельскомъ конгрессѣ была окончательно вотирована большинствомъ 54-хъ голосовъ резолюція, объявлявшая, что «общество имѣло право превратить частную собственность на землю въ общественную» и, что конгрессъ признавалъ этотъ шагъ «необходимымъ въ интересахъ общества».

Когда эта резолюція базельскаго конгресса сдѣлалась извѣстной въ Германіи, она вызвала не малый шумъ во всѣхъ слояхъ буржуазнаго общества и возбудила негодующіе протесты даже со стороны демократической «народной партіи», еще состоявшей тогда въ союзѣ съ Эйзенахской фракціей нѣмецкой рабочей партіи¹⁾. Только что

¹⁾ Извѣстно, что нѣмецкая рабочая партія состояла первоначально изъ двухъ фракцій: лассальянцевъ, составлявшихъ «Всеобщій нѣмецкій рабочий союзъ», которымъ руководилъ послѣ смерти Лассали Швейцеръ, и «Эйзенахцевъ», организовавшихся на Эйзенахскомъ конгрессѣ 1869 г. въ «соціально-демократическую рабочую партію». Эта послѣдняя организація выдѣлилась изъ тѣхъ рабочихъ союзовъ, которые стали возникать въ Германіи въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ подъ вліяніемъ передовой

конституировавшейся тогда молодой «Социально-демократической рабочей партии» приходилось рѣшать вопросъ, слѣдовало-ли ей открыто заявить о своемъ признаніи базельской резолюціи.

При такомъ положеніи дѣла, со стороны «Социалъ-демократической рабочей партии» было проявлено значительное колебаніе, и она сдѣлала цѣлый рядъ шаговъ, которые обнаруживали, что она опасается затронуть рѣшительно и принципиально жгучій земельный вопросъ. По настоянію Либкнехта, исполнительная коммиссія Эйзенахской организаціи отказалась отъ своего первоначальнаго намѣренія официально заявить въ партійномъ органѣ о признаніи ею Базельской резолюціи и ограничилось лишь тѣмъ, что не заявила о своемъ отреченіи отъ нея. Съ другой стороны, въ ея партійномъ органѣ „*Demokratisches Wochenblatt*“ появилась замѣтка Либкнехта, въ которой онъ проводилъ ту мысль, что въ сущности такого рода принципиальныя рѣшенія не составляютъ задачи партии:

«Ставится вопросъ — писалъ онъ — какое положеніе занимаетъ Социалъ-демократическая рабочая партия по отношенію къ базельской резолюціи о собственности на землю? Напѣть отвѣтъ таковъ: никакого. Всякій отдѣльный членъ партіи можетъ и долженъ занять известное положеніе; къ партіи же, какъ таковой, это не относится, и она ни съ какой стороны не связана данной резолюціей — такъ же мало, какъ и сама Международная Рабочая Ассоціація. Вообще говоря, эта резолюція, какъ и всякая резолюція теоретическаго характера, имѣетъ обязательную силу только для тѣхъ, кто за нее голосовалъ *).

Не трудно видѣть, конечно, до какой степени была натянута эта попытка снять съ партіи отвѣтственность за тѣ принципиальныя требованія, которыя лежатъ въ основѣ всей ея практической дѣятельности. Такая шаткая позиція могла объясняться лишь очень серьезными тактическими соображеніями, тѣмъ болѣе, что эта позиція была занята такимъ человѣкомъ, какъ Либкнехтъ, котораго Ме-

части буржуазіи, стремившейся овладѣть рабочимъ движеніемъ. Эйзенахцами руководили Либкнехтъ и Бебель. Сліяніе обѣихъ фракцій состоялось на Готскомъ конгрессѣ въ 1875 году.

*) Обо всемъ этомъ эпизодѣ съ базельской резолюціей см.: F. Mehring, *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie* Bd. II стр. 277—79 — Cohnstaedt, *Die Agrarfrage in der deutschen Sozialdemokratie* стр. 97—99, а также Либкнехтъ. *Zur Grund- und Bodenfrage*, стр. 6.

рингъ характеризуетъ въ противоположность расчетливому политику Швейцера, какъ «революціонера 1848 года, боровшагося съ оружіемъ въ рукахъ противъ контръ-революціи и закалившаго свою справедливую ненависть въ тяжеломъ изгнаніи», — «какъ страстнаго агитатора, которому великая цѣль неизмѣнно служила путеводной звѣздой» *).

Но даже и этого уклончиваго заявленія Либкнехта еще не казалось тогда достаточнымъ, чтобы успокоить волненія, вызванныя еще впервые заявленнымъ тогда со стороны рабочей партіи открытымъ отрицаніемъ права частной собственности на землю. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ базельскаго конгресса въ официальномъ органѣ социалъ-демократической рабочей партіи (переименовавшемся тогда въ *Volksstaat*) была напечатана статья извѣстнаго Цюрихскаго социалиста Грейлиха, въ которой онъ объяснилъ свое голосованіе въ пользу Базельской резолюціи тѣмъ соображеніемъ, что на принятіи ея настаивали англійскіе делегаты въ силу того, что въ Англіи концентрація земельной собственности получила особенно сильное развитіе, тогда какъ въ другихъ странахъ, какъ напр. въ южной Германіи или Швейцаріи, дѣло обстоило пока еще совершенно иначе, и еще неизвѣстно было, въ какомъ направленіи оно будетъ развиваться дальше:

«Нельзя безъ всякихъ околичностей утверждать — писалъ онъ, — что и здѣсь также, какъ и въ Англіи въ послѣднемъ столѣтіи, собственность на землю будетъ сконцентрирована въ немногихъ рукахъ; возможно и желательно, чтобы съ помощью государственныхъ банковъ и взаимнаго страхованія, крестьяне болѣе или менѣе избавились отъ гнета капиталистовъ, а съ помощью артельного пріобрѣтенія машинъ и другихъ артельныхъ закупокъ, а также постройки общественныхъ безопасныхъ сараевъ, улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ и т. д. пришли бы постепенно къ кооперативной формѣ труда и такимъ образомъ достигли бы другимъ путемъ тѣхъ же результатовъ, что и Англія. Но, конечно, утверждать это положительно не наша задача; мы не приержены системѣ, и взгляды на этотъ счетъ делегатовъ Базельскаго конгресса очень различались между собою» *).

F. Mehring. I. с. стр. 136.

*) Цитируемъ по книгѣ Cohnstaedt'a

Въ этой статьѣ Грейлиха, напечатанной, конечно, съ опредѣленной цѣлью въ официальномъ органѣ партіи, нельзя также не видѣть проявленія чрезмѣрной осторожности и очень уклончиваго отношенія къ одному изъ важныхъ принципиальныхъ вопросовъ социализма.

Любопытно, наконецъ, познакомиться съ тѣмъ, какъ осторожно подходилъ къ вопросу объ отчужденіи частной собственности на землю Либкнехтъ въ томъ своемъ рефератѣ по аграрному вопросу, который онъ прочиталъ во многихъ германскихъ городахъ вслѣдъ за обнародованіемъ Базельской резолюціи—опять-таки съ цѣлью противодѣйствовать вызванному ею замѣшательству въ рядахъ самой рабочей партіи ¹⁾.

Приступая къ изложенію того, какія вредныя послѣдствія неизбежно влечетъ за собою частная собственность на землю, въ формѣ ли мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, или въ формѣ крупной земельной собственности англійскаго типа, Либкнехтъ предпосылаетъ этому изложенію слѣдующее вступленіе, относящееся уже специально къ Базельской резолюціи:

«Этой резолюціей—говоритъ онъ—конгрессъ устанавливаетъ извѣстный принципъ, а вовсе не издаетъ указа. Онъ выясняетъ послѣдствія социалистическаго взгляда на вещи, а вовсе не декретируетъ какой-либо мѣры для осуществленія этихъ послѣдствій. Короче, Базельская резолюція носитъ по существу своему теоретическій, программный характеръ и не имѣетъ никакого непосредственнаго практическаго значенія. Этому наши противники или не видятъ, или не хотятъ видѣть. Они поступаютъ такъ, какъ будто въ Базелѣ было сдѣлано распоряженіе о немедленной экспроприаціи всѣхъ теперешнихъ землевладѣльцевъ, такъ что каждому земельному собственнику оставалось бы только быть готовымъ всякую минуту къ приходу международнаго жандарма-вѣшателя, въ ярко-красной рубашкѣ и съ пѣтушинымъ перомъ на шляпѣ, который предложилъ бы ему пріятный выборъ: немедленно же добровольно убраться въ усадьбу, или же быть повѣшеннымъ на ближайшемъ деревѣ. Это преднамѣренное или непреднамеренное недоразумѣніе было бы смѣшно, если бы оно не было такъ опасно. Благодаря подобному недоразумѣнію погибла французская фебральская республика, а въ Германіи это недоразумѣніе можетъ нанести несказанный вредъ рабо-

¹⁾ Этотъ рефератъ былъ заданъ потомъ Либкнехтомъ въ видѣ брошюры подъ заглавіемъ: „Zur Grund- und Bodenfrage“.

чему движенію, если только своевременно не будутъ приняты необходимыя мѣры. Я бы хотѣлъ прямо спросить инициаторовъ и распространителей этого недоразумѣнія, а особенно тѣхъ изъ нихъ, которые называютъ себя «демократами»: считаютъ-ли они насъ за сумасшедшихъ? Если да, то какъ они могутъ бояться такихъ безумцевъ, которые даже при наличномъ составѣ жандармеріи и даже руками самихъ крестьянъ были бы схвачены и препровождены—многіе съ спячками на тѣлѣ—въ ближайшую сельскую тюрьму, или въ психіатрическую лечебницу, причемъ, послѣднее помѣщеніе было бы для нихъ совершенно нормальнымъ. Поистинѣ страхъ дѣлаетъ взрослыхъ людей малыми ребятами. ¹⁾

Такъ велико было опасеніе нѣмецкихъ социаль-демократовъ начала 70-хъ годовъ возбудить противъ рабочаго движенія недовольство и раздраженіе крестьянскихъ массъ, — ибо очевидно, что только опасеніе именно крестьянскихъ массъ заставило ихъ придать такое серьезное значеніе тому шуму, который былъ поднятъ нѣмецкой буржуазіей по поводу Базельской резолюціи. За спиной этой буржуазіи предполагалось присутствіе Баварскаго, Нижнесаксонскаго или Гессенскаго крестьянина. Не даромъ Либкнехтъ, говоря объ огромномъ вредѣ, который могло нанести указанное имъ «недоразумѣніе» нѣмецкому рабочему движенію, вспоминаетъ о гибели французской революціи 1848 года. «Мы не нуждаемся въ крестьянахъ, чтобы сдѣлать революцію,—говорилъ онъ также въ одномъ своемъ письмѣ,—но никакая революція не можетъ удержаться, если противъ нея будетъ крестьянство».

Съ подобнаго же рода опасеніемъ реакціоннаго противодѣйствія со стороны крестьянства встрѣчаемся мы въ исторіи нѣмецкой социалдемократіи и уже гораздо позднѣе, въ 90-хъ годахъ, въ періодъ огромныхъ успѣховъ, которыхъ достигло тогда въ Германіи городское рабочее движеніе. Изъ первоначальной, сравнительно небольшой организаціи, насчитывавшей въ своихъ рядахъ тысячъ 20—25 рабочихъ ²⁾, нѣмецкая социалдемократія разрослась къ тому времени въ огромную политическую партію, за которую было подано на выборахъ 1890 года 1.427.000

¹⁾ „Zur Grund- und Bodenfrage“, стр. 25—26.

²⁾ По расчету Меринга (Gesch. d. deutsch. Socialdem. Bd. II. стр. 274). Эссенсакская Соціалдем. Рабочая Партія должна была имѣть тогда около 11 000 членовъ, а Всенѣм. Рабочій Союзъ около 12 000 членовъ.

голосовъ. Но и тогда, не смотря на такое огромное развитие городского рабочаго движенія, заставившее нѣмецкое правительство отказаться отъ мысли подавить его путемъ исключительныхъ законовъ, крестьянскій вопросъ, въ смыслѣ угрозы городскому рабочему движенію, все еще стоялъ на очереди передъ представителями нѣмецкаго социалдемократизма. Самое рѣшеніе Франкфуртскаго партейтага заняться вторично обсужденіемъ этого вопроса и посвятить ему особо выбранную для того комиссію было вызвано въ значительной степени именно необходимостью устранить опасность «мужицкаго башмака, подбитаго гвоздями» и «сдѣлать что нибудь практическое» въ аграрномъ вопросѣ:

«Если мы даже не достигнемъ на этомъ пути ничего другаго, какъ только нейтрализуемъ этотъ слой крестьянства — говорилъ тогда Шенланкъ — то и этимъ уже будетъ сдѣлано достаточно. Въ настоящее время еще существуетъ сотни тысячъ крестьянскихъ сыновей, которые читаютъ «Отче нашъ» и будутъ по приказанію стрѣлять въ своихъ отцовъ и матерей. Не надо, чтобы повторялось то же, что въ 1848 году. Друзья мои, когда дѣло абсолютизма лопнуло, онъ немедленно же сдѣлалъ уступки крестьянамъ и привлекъ ихъ на свою сторону. Мы должны принять мѣры, чтобы подбитый гвоздями башмакъ крестьянъ и ихъ сыновей не обратился противъ насъ; мы должны нейтрализовать ихъ, умиротворить»¹⁾.

Такова, можно сказать, преобладающая нота нѣмецкой социалдемократіи въ крестьянскомъ вопросѣ за весь періодъ ея развитія. Когда въ ея рядахъ заходила рѣчь о завоеваніи крестьянства, то въ громадиѣшемъ большинствѣ случаевъ дѣло шло для нея не о привлеченіи трудового крестьянства въ ряды своей собственной партіи, не о распространеніи рабочаго движенія на новую еще не охваченную имъ область, а лишь о возможномъ устраненіи того противодѣйствія, которое она всегда ожидала со стороны своего предполагаемаго противника. И это не должно насъ удивлять, если мы обратимъ вниманіе на основныя идеи, которыми поддерживалось и питалось въ самыхъ глубинахъ своей духовной жизни нѣмецкое рабочее дви-

¹⁾ „Protocoll über die Verhandlungen des Parteitagcs, abgehalten zu Frankfurt“, стр. 141.

женіе. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ развитія социаль-демократической теоріи, въ тѣхъ основныхъ тезисахъ Коммунистическаго Манифеста, которые послужили для нея первоначальнымъ источникомъ, мы встрѣчаемся съ совершенно опредѣленнымъ осужденіемъ крестьянства на отрицательную историческую роль: крестьянство консервативно; мало того: оно реакціонно, оно стоитъ препятствіемъ на пути промышленнаго развитія, которое является основной прогрессивной силой въ историческомъ процессѣ; единственный исходъ изъ этого положенія представлялся не въ видѣ видоизмѣненій въ средѣ самого крестьянства, а въ видѣ его полнаго исчезновенія подъ вліяніемъ промышленнаго прогресса. Таково было, въ немногихъ словахъ, все первоначальное социалдемократическое ученіе о крестьянскомъ вопросѣ.

Даже позднѣе, когда главнымъ источникомъ теоретическаго міросозерцанія для нѣмецкой социаль-демократіи сталъ служить строго научный по своему изложенію «Капиталъ» Маркса, она находила тамъ не что иное, какъ ту же самую мысль о неизбежномъ исчезновеніи крестьянства подъ вліяніемъ развитія крупной капиталистической промышленности:

«Въ области земледѣлія — говоритъ Марксъ — капиталистическій способъ производства дѣйствуетъ тѣмъ революціоннѣе, что онъ уничтожаетъ оплотъ стараго общества, крестьянина, и замѣняетъ его наемнымъ работникомъ. Такимъ образомъ и въ деревнѣ задача общественнаго преобразованія и классовой борьбы ставится на ту же самую почву, какъ и въ городѣ»²⁾.

Стоитъ только немного вдуматься въ эти слова, въ эти заключительные выводы цѣлой исторической системы, которою жила и въ которую вѣрила нѣмецкая социаль-демократія, какъ въ свою единственную путеводную звѣзду, чтобы понять, что для нея было немислимо никакое другое отношеніе къ крестьянству, кромѣ отрицательнаго, выжидательнаго и оборонительнаго.

Крестьянство было реакціоннымъ элементомъ, потому что стояло помѣхой на пути историческаго развитія, подавшаго съ процессомъ развитія крупнаго капиталисти-

²⁾ „Le Capital“ франц. изданіе стр. 217.

ческого производства. Въдѣ для того, чтобы могъ совершиться великій заключительный актъ всей всемірной истории человечества — то послѣднее «отрицаніе отрицанія», которое подготовлялось въ нѣдрахъ самого капиталистическаго общества («съ фатальностью, присущею метаморфозамъ, происходящимъ въ природѣ¹⁾»), необходимо было, чтобы совершилось первое отрицаніе, т. е. экспроприация непосредственныхъ производителей, которая также происходитъ «въ силу имманентныхъ законовъ капиталистическаго производства». Выкинуть какое либо звено изъ этой цѣпи логическихъ формулъ значило-бы разрушить все построеніе; предоставить мелкому крестьянину активную и творческую роль въ великомъ историческомъ актѣ «экспроприации экспроприаторовъ» — значило-бы перевернуть вверхъ дномъ ту историческую концепцію, которая служила основой всего міросозерцанія нѣмецкихъ социаль-демократовъ. Крестьянинъ самъ по себѣ даже мало изучался сторонниками этой теории; такое изученіе представлялось совершенно ненужнымъ, потому что крестьянскій вопросъ уже былъ рѣшенъ заранѣе, *a priori*, чисто дедуктивнымъ путемъ, въ силу извѣстной философской системы. Вотъ почему мы не находимъ въ нѣмецкой социалистической литературѣ ничего напоминающаго нашу богатую художественную и экономическую литературу, посвященную крестьянству, и вотъ почему въ тѣхъ случаяхъ, когда Марксъ или Энгельсъ отрывались отъ своихъ отвлеченныхъ выводовъ и обращались къ изслѣдованію конкретныхъ историческихъ событій, связанныхъ съ крестьянскимъ вопросомъ, мы встречаемъ у нихъ замѣчанія и выводы поражающіе своимъ противорѣчіемъ съ тезисами «Капитала», или «Коммунистическаго Манифеста»²⁾.

¹⁾ „Le Capital“, стр. 342.

²⁾ Не имѣя здѣсь возможности останавливаться на этомъ, мы укажемъ лишь на извѣстныя страницы въ „18-е Брюмера“, гдѣ вслѣдъ за самою отрицательной характеристикой крестьянства Марксъ говоритъ по поводу многочисленныхъ крестьянскихъ востаній во Франціи въ 1849—50 г., что во Франціи были тогда, кромѣ консервативныхъ, революціонные крестьяне, равншіеся изъ рамокъ своей социальной обстановки и стремившіеся собственными силами, на ряду съ городами, ниспровергнуть старый порядокъ. Напомнимъ также мнѣніе Маркса, въ его „Гражданской Войнѣ“, о возможномъ союзѣ Парижской Коммуны съ крестьянствомъ: „Деревенскіе депутаты знали какъ нельзя лучше — говорить о томъ — что стоило установить свободному сообщенію между коммунальнымъ Парижемъ и про-

Надо впрочемъ замѣтить, что эта идеологія пролетариата, эта теорія историческаго прогресса, построенная всецѣло на высокой степени развитія капиталистическаго способа производства, далеко не съ первыхъ же лѣтъ послѣ своего появленія овладѣла умами даже вождей нѣмецкой социаль-демократіи; напротивъ того, она довольно медленно проникла въ ихъ сознаніе, а еще медленнѣе распространялась въ рядахъ партіи, и только къ 90-мъ годамъ прошлаго вѣка выработалась, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Каутскаго, въ то догматическое ученіе, которое сдѣлалось затѣмъ достояніемъ массъ.

Что касается начала семидесятыхъ годовъ, то по свѣдѣтельству лучшаго историка нѣмецкой социаль-демократіи, Франца Меринга, теоретическая сторона дѣла, съ точки зрѣнія ортодоксальнаго марксизма, находилась тогда еще далеко не въ блестящемъ положеніи, какъ у эйзенхатцевъ, какъ и у лассальянцевъ:

«Въ принципиальномъ пониманіи научнаго коммунизма — говорятъ Мерингъ — они стояли на одной и той же высотѣ въ томъ смыслѣ, что историческо-материалистическая діалектика была одинаково чужда и тѣмъ, и другимъ. Гассельманъ развивалъ въ „Neuer Socialdemokrat“ ту идею, что въ силу «естественнаго права» продукты принадлежали тѣмъ рабочимъ, которые одни ихъ произвели; а страховою чиновникъ Шраммъ, напечатанный въ „Volksstaat“ рядъ замѣчательныхъ статей объ основныхъ экономическихъ понятіяхъ, приходилъ къ подобному же заключенію, а именно, что изъ теории цѣнности Маркса вытекало оправданіе социалистическихъ требованій права рабочихъ на созданныя ими цѣнности. Даже Либкнехтъ отзывался о Боклѣ, историкѣ манчестерской школы, какъ о такомъ же великомъ мыслителѣ въ области исторіи, какимъ былъ Марксъ въ области социологіи, а Дарвинъ въ области естественныхъ наукъ»¹⁾.

Единственнымъ человекомъ изъ числа партійныхъ писателей, который понималъ тогда историческій материализмъ, Мерингъ считаетъ Дитцена, но его статьи были мало доступны среднему читателю по своей отвлеченно-философской формѣ.

винціями, и черезъ какіе-нибудь три мѣсяца вспыхнуло бы поголовное крестьянское востаніе. Такимъ оказывался въ дѣйствительности вѣтъ лучшій оплотъ стараго міра.

¹⁾ Mehring, I. c., стр. 333

Когда в 1877 году появились полемическія статьи Энгельса против Дюринга, составившія цѣлую эпоху в развитии социаль-демократической мысли, то сначала эти статьи не были поняты и одѣнены партией; редакция партійнаго органа даже неохотно стала печатать их²⁾, и лишь немногія свѣтлыя головы, по выраженію Меринга, стали постепенно проникаться тогда их идеями. Только в 1883 году нѣкоторыя главы этой книги, излагавшія переходъ отъ утопическаго социализма къ научному, были изданы отдѣльной брошюрой для болѣе широкой публики. Около того-же времени началъ выходить ежемѣсячный журналъ «Neue Zeit», редакторомъ котораго сдѣлался Карлъ Каутскій. Каутскій, утвердившійся, подобно Бернштейну, въ идеяхъ Маркса благодаря главнымъ образомъ изученію книги Энгельса противъ Дюринга, сталъ послѣдовательно проводить тогда въ своемъ журналѣ то стройное и законченное міросозерцаніе, основы котораго были заложены еще въ 40-хъ годахъ Марксомъ и Энгельсомъ.

Соотвѣственно такому медленному проникновенію идей Маркса въ нѣмецкое социаль-демократическое движеніе, его отношеніе къ крестьянскому вопросу также не сразу стало на ту почву, на которую оно было поставлено въ 1891 году Эрфуртской программой, гдѣ красною нитью, по выраженію Каутскаго, проходитъ мысль о неизбѣжномъ исчезновеніи мелкаго крестьянскаго хозяйства. Втеченіе всего періода отъ возникновенія нѣмецкой социаль-демократической партіи и до конца 80-хъ годовъ главнѣйшимъ руководствомъ по аграрному вопросу служила для нѣмецкой социаль-демократіи та брошюра Либкнехта «Zur Grund- und Bodenfrage», о которой мы уже упоминали; она была очень широко распространена и пользовалась большою популярностью. По этой именно брошюрѣ мы и можемъ познакомиться съ господствовавшими тогда взглядами.

Фактическое содержаніе брошюры заключается въ томъ, что авторъ излагаетъ въ ней положеніе сельско-хозяйственной промышленности въ капиталистическихъ странахъ, выясняя при этомъ тѣ неизбѣжныя послѣдствія, къ которымъ приводитъ земледѣльческое населеніе система

²⁾ Ibid, стр. 335

частнаго землевладѣнія. Либкнехтъ беретъ Англію и Францію, какъ болѣе типичныя страны крупной и мелкой поземельной собственности, и затѣмъ, при помощи довольно полныхъ для того времени — статистическихъ данныхъ, набрасываетъ яркую картину бѣдственнаго положенія англійскихъ сельскихъ рабочихъ и французскаго мелкаго крестьянства. При этомъ онъ конечно показываетъ, что это бѣдственное положеніе является естественнымъ и неустрашимымъ результатомъ данной экономической системы, которая развивается соотвѣственно присущимъ ей законамъ. Англійская поземельная собственность должна была все болѣе и болѣе концентрироваться и приводить къ порабощенію сельскаго населенія олигархіей лэнд-лордовъ; а мелкое французское крестьянство, отвоевавшее себѣ въ 1789—93 годахъ дворянскія и монастырскія земли, должно было все болѣе и болѣе раззоряться и подпадать подъ кабалу ростовщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Затѣмъ въ книжкѣ проводится также мысль о предстоящемъ, неизбѣжномъ обезземеленіи французскаго крестьянства и о переходѣ его земель въ руки крупныхъ собственниковъ, причѣмъ этой сторонѣ дѣла авторъ удѣляетъ значительное вниманіе и очень энергично настаиваетъ на той мысли, что подобная-же судьба ожидаетъ несомнѣнно и нѣмецкое мелкое крестьянство.

«Короче, я повторю, — говоритъ онъ, напр. на стр. 139, — что обычные разговоры о томъ, будто нѣмецкія поземельныя отношенія въ общемъ удовлетворительны и равно далеко отстоятъ отъ тѣхъ золъ, которыя обнаружались съ одной стороны въ Англіи, а съ другой во Франціи — или самообманъ, или ложь... Тамъ, гдѣ парцеллярная система или система крупнаго землевладѣнія еще не достигла своего полнаго развитія и гдѣ крестьянство еще удержалось въ сравнительно хорошемъ положеніи, — тамъ это крестьянство, въ силу неизмѣнныхъ законовъ, пагубное вліяніе которыхъ можетъ исчезнуть только вмѣстѣ съ ихъ причинами, т.е. съ существующимъ способомъ производства, обречено на гибель. Смертныя приговоръ ему произнесутъ; всякими палліативами можно, въ лучшемъ случаѣ, только продлить мучительную предсмертную борьбу... Противъ смерти нѣтъ никакого лекарства — какъ противъ экономической, такъ и противъ физической. Вѣрить въ жизнь нѣтъ эликсиръ можетъ только неучъ; претендовать на обладаніе имъ — можетъ только шарлатанъ».

звѣтъ онъ опирается не на результаты уже законченнаго экономическаго процесса, а просто на соображенія общественной пользы:

«Соображенія общихъ интересовъ государства и гражданъ — вотъ та почва, на которую мы становимся въ вопросѣ о земельной собственности; изъ нея мы извлекаемъ наши выводы и стоя на ней мы являемся непобѣдимыми»¹⁾.

Изъ послѣднихъ словъ видно, что Либкнехтъ даже прямо считаетъ главнымъ мотивомъ и главнымъ источникомъ аграрнаго движенія — нарушение частною собственностью интересовъ общества, т. е. большинства гражданъ; въ этомъ именно нарушении, въ этомъ противорѣчии между частною собственностью и интересами большинства населения онъ и видитъ залогъ неизбѣжной побѣды. Если бы государство уступило добровольно, то тогда былъ бы возможенъ рядъ переходныхъ мѣръ, ведущихъ къ измѣненію всего земельного устройства; это былъ бы путь реформъ. Но, если бы

«напротивъ того, государство оставалось упорно классовымъ государствомъ, то этимъ оно исключило бы путь мирныхъ преобразованій; тогда наступилъ бы моментъ, когда невыносимое положеніе поставило бы передъ людьми альтернативу: или погибнуть, или опрокинуть тотъ государственный строй, который отнимаетъ у нихъ возможность существованія. При такомъ положеніи дѣлъ рѣшеніе никогда не подлежитъ сомнѣнію: общество освобождается и сбрасываетъ съ себя невыносимое иго»²⁾.

Такова общая постановка аграрнаго вопроса въ этой брошюрѣ. Ея невыдержанный характеръ съ точки зрѣнія социаль-демократической теоріи достаточно бросается въ глаза изъ приведенныхъ нами выдержекъ. Но помимо этого въ ней ясно проглядываютъ также слѣды того *политическаго яacobинства*, которымъ, какъ извѣстно, было проникнуто все революціонное движеніе въ Европѣ, въ началѣ прошлаго вѣка. Главный признакъ этого яacobинства заключался въ томъ, что оно было построено на отсутствіи достаточно широкаго массоваго базиса, на которой опиралась бы данная общественная программа. Такъ мы

¹⁾ „Zur Grund- und Bodenfrage“, pag. 165.

²⁾ *Ibid* стр. 170.

видимъ, что у Либкнехта представленіе о возможномъ устраненіи системы частнаго землевладѣнія не было связано съ представленіемъ о соответствующемъ рабочемъ движеніи среди трудовыхъ массъ, занятыхъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ; вслѣдствіе этого данное общественное переустройство являлось у него идущимъ откуда-то извнѣ, со стороны революціоннаго правительства, дѣйствующаго во имя интереса большинства гражданъ.

Упомянувъ о томъ, что въ Англіи переходъ отъ системы частнаго къ системѣ общественнаго землевладѣнія уже достаточно подготовленъ существующими отношеніями и можетъ быть совершенъ безъ околичностей, разъ только будетъ уничтожено въ государствѣ буржуазное господство, онъ говоритъ затѣмъ, что во Франціи, а особенно въ Германіи, дѣло стоитъ уже не такъ просто и что, хотя мелкое крестьянство уже находится тамъ въ томъ же положеніи, какъ и пролетаріатъ, или неудержимо стремится къ этому положенію, но что, тѣмъ не менѣе, оно въ большинствѣ случаевъ еще крѣпко держится за свою воображаемую „собственность“; вслѣдствіе этого «декретъ объ экспроприаціи несомнѣнно встрѣтилъ бы со стороны большинства мелкихъ крестьянъ самое сильное сопротивленіе, а можетъ быть и открытый мятежъ»¹⁾. И вотъ по этому поводу онъ очень подробно говоритъ о той осторожности, съ какою освобожденное государство должно приступить къ земельному переустройству, а также о тѣхъ переходныхъ мѣрахъ, которыя способны были бы привлечь мелкое крестьянство къ этому переустройству — въ родѣ выкупа государствомъ ипотечнаго долга съ цѣлью пониженія процентовъ, организаціи дешеваго кредита для устройства земледѣльческихъ ассоціацій на государственныхъ земляхъ и т. д.

«На государственныхъ земляхъ — говорятъ онъ между прочимъ, — къ счастью еще очень обширныхъ въ Германіи, должны были бы быть основаны земледѣльческія колоніи, которыя управлялись бы согласно социалистическимъ принципамъ и производили бы непосредственно для государства, служа въ то же время образцами правильнаго веденія сельскаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ необходимо избѣгнуть

¹⁾ *Ibid.*, pag. 174.

той ошибки, какая была совершена французами во время их великой революции, когда они разбили государственные земли на частновладельческие участки. Судьба французских мелких крестьян должна служить нам предостерегающим примером. Неужели всегда будет повторяться этот безумный заколдованный круг? и мы, думая освободиться от одного зла, будем бросаться в другое. Мы должны прорвать этот круг»¹⁾.

Таким образом земельное преобразование рисуется Либкнехту в виде мѣры болѣе или менѣе навязываемой крестьянству социалистическимъ государствомъ. Какъ ни полезна и ни спасительна эта мѣра для мелкихъ крестьянъ, но сами они, по его мнѣнію, не способны привести ее въ исполненіе, вслѣдствіе глубоко вкоренившихся въ ихъ умы собственническихъ предразсудковъ. Такъ, въ вышеприведенной выдержкѣ онъ прямо говоритъ, что отмѣна частной собственности на землю въ Германіи могла-бы вызвать возстаніе мелкаго крестьянства. Затѣмъ, упомянувъ объ отказѣ французскихъ делегатовъ вотировать Базельскую резолюцію, онъ объясняетъ это тѣмъ, что «масса французскихъ крестьянъ все еще съ тайнымъ страхомъ смотритъ на социализмъ, вслѣдствіе чего социалистической пропагандѣ среди нихъ приходится бороться съ трудно преодолимымъ недоверіемъ»; онъ признаетъ, что «французскіе делегаты имѣли основаніе быть предусмотрительными», что «глубоко вкоренившійся предразсудокъ не можетъ быть вырванъ сразу, а пока онъ не вырванъ, требуется большая осторожность, чтобы не вызвать дурныхъ послѣдствій»²⁾.

Ясно, слѣдовательно, что земельный переворотъ не является у Либкнехта результатомъ крестьянскаго движенія, а долженъ былъ быть проведенъ какими-то другими болѣе передовыми общественными силами, которымъ необходимо было бы разными предварительными переходными мѣропріятіями обезпечить согласіе на него самихъ крестьянъ. Это именно и придаетъ всей постановкѣ аграрнаго вопроса въ книгѣ Либкнехта достаточный якобинскій характеръ.

¹⁾ Ibid., pag. 176.

²⁾ Ibid., pag. 189.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Либкнехтъ категорически оспариваетъ, чтобы социаль-демократія была исключительно партией промышленнаго пролетаріата: «Мы—рабочая партія, говоритъ онъ, но не въ этомъ ограниченномъ смыслѣ... Не одинъ только наемный городской или сельскій рабочий принадлежитъ къ рабочимъ, но также и всякій, кто не живетъ эксплуатаціей чужого труда». И далѣе: «Намъ нужны сельскіе рабочіе и мелкіе крестьяне, если мы не хотимъ, чтобы наша борьба была безнадежна. Пагубный расколъ между городомъ и деревней, мѣшавшій до сихъ поръ всякому освободительному движенію долженъ прекратиться. Предостерегающій примѣръ Франціи не долженъ быть потерянъ для насъ»¹⁾.

«Наконецъ, мы встрѣчаемъ у Либкнехта и такое мѣсто: «Мы быть можетъ до сего времени недостаточно сдѣлали для распространенія социаль-демократическихъ идей среди сельскаго населенія; трудность пропаганды въ деревнѣ да послужить намъ оправданіемъ! Но потерянное должно быть наверстано. Человѣчскій долгъ и партійные интересы предписываютъ намъ это» (Ibid).

Если мы попробуемъ теперь разобраться во всѣхъ этихъ взглядахъ и заявленіяхъ одного изъ самыхъ выдающихся представителей нѣмецкаго социаль-демократическаго движенія перваго періода, то нельзя будетъ не признать, что они носятъ чрезвычайно спутанный и противорѣчивый характеръ. Съ одной стороны Либкнехтъ считаетъ желательной отмѣну частной собственности на землю ранѣе чѣмъ эта система произведетъ всѣ свои пагубныя экономическія послѣдствія; но съ другой стороны онъ не считаетъ мелкое трудовое крестьянство способнымъ взять на себя инициативу этого переворота; и не только не считаетъ способнымъ, но въ немъ очень сильно говоритъ даже боязнь этого крестьянства, какъ оплота консерватизма и реакціи. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ всю задачу первоначальнаго освободительнаго движенія пришлось бы взять на себя рабочей партіи состоявшей изъ одного промышленнаго пролетаріата; но въ то же время Либкнехтъ долженъ признать, что безъ поддержки трудовыхъ крестьянъ

¹⁾ Ibid., pag. 187.

янских масс городская рабочая партия могла бы оказаться в совершенно безнадежном положении.

Очевидно, что выход из таких противоречивых положений был возможен только один, и Либкнехт останавливается именно на нем: он считает необходимым добиваться освобождения государства наличными силами социаль-демократической партии, но затем немедленно же, избегая ошибки французских демократов 1848 г., приступить к широким аграрным реформам, выясняющим для трудового крестьянства истинный смысл рабочего движения, и таким путем привлечь его на свою сторону. Такова была аграрная программа немецкой социаль-демократии в первоначальный период ее развития, т.-е. до времени, предшествовавшего Эрфуртскому партийному съезду, насколько эта программа выясняется для нас из книжки Либкнехта.

Самым характерным признаком этой программы мы считаем те именно весьма замечательные в ней следы политического якобинства, на которые мы уже указывали выше. Идея социального преобразования еще не сливается всецело в представлении Либкнехта с идеей соответствующего рабочего движения, а больше или меньше отрывается от нее, вследствие чего вся программа получает якобинский характер. Только благодаря этому якобинскому элементу, внесенному в представление об аграрном преобразовании, Либкнехту и удалось кое-как выйти из того противоречия, в какое ставило его с одной стороны признание необходимости «направить своевременно экономическое развитие на другой спасительный путь», а с другой стороны признание полной неподготовленности крестьянских трудовых масс к такому решительному шагу.

Известно, что так называемое якобинское течение, в период первоначального развития социализма, хотя и было отчасти навеяно традициями первой французской революции, но обуславливалось главным образом тем обстоятельством, что рабочая масса, на которую должно было в конце концов опереться это движение, не были еще достаточно подготовлены к своей исторической роли, вследствие чего самое движение по необходимости сосредото-

точивалось тогда в сравнительно очень небольших группах и приняло больше или меньше заговорщическую форму¹⁾. Таковы были первоначальные социалистические группы во Франции (Буонаротти, Мартена Бернара и особенно Бланки); они возникали на почве чисто якобинской политической программы, во главе которой стояло провозглашение республики при помощи парижского восстания и установление революционной диктатуры, а затем уже — социальное преобразование всей общественной жизни. Под знаменем этой программы развивалось первоначальное рабочее движение во Франции, в период тридцатых и сороковых годов. История этого движения, как известно, полна драматических событий, связанных с возникновением и гибелью многих тайных обществ, а также с попытками нескольких восстаний в Париже — вплоть до знаменитых июльских дней 1849 года. Затем, под влиянием этого страшного поражения парижских рабочих, разбившего большие надежды и произведшего всеобщее удручающее впечатление, началась сильная реакция в теоретической области и вступила в свои права суровая критика. В Западной Европе во главе этой критики стоял Карл Маркс. Исходя из положения о беспочвенности социалистического движения, основанного лишь на одних идеях справедливости и лишь на представлении о возможности иного, лучшего экономического устройства, он требовал для социального переворота больше реальной почвы и вместе с тем провозгласил свою знаменитую программу Коммунистического манифеста. Программа эта является прежде всего полным отрицанием политического якобинства; одна из основных ее идей — та, что преобразование экономического строя должно быть делом самих рабочих масс; представление о социальном перевороте уже вполне сливается здесь с представлением о развивающемся рабочем движении, о выступлении на историческую сцену новой, все больше и больше

¹⁾ «Фантастическое описание будущего общества относится к тому времени, когда пролетариат еще в высшей степени неразвит, так что сам представляет свое собственное положение фантастически; это фантастическое описание соответствует первому, полному предчувствию, стремлению пролетариата ко всеобщему переустройству общества». (Ком. манифест, перев. Поссе, стр. 45).

растущей общественной силы. Но въ своемъ стремленіи придать твердую матеріальную основу социалистическому движению Маркс пошелъ еще дальше: онъ самое рабочее движение захотѣлъ связать съ результатами стихійнаго экономического процесса, нисколько не зависящаго отъ мифѣй и желаній человѣческихъ, и связалъ его, какъ извѣстно, съ самопроизвольнымъ ходомъ экономического развитія, повиனுющагося своимъ собственнымъ законамъ и приводящаго «съ фатальностью, присущею метаморфозамъ, совершающимся въ природѣ» къ извѣстнымъ объективнымъ условіямъ, дѣлающимъ данный социальный переворотъ уже неизбежнымъ.

Эта основная идея Коммунистическаго манифеста, положившая начало такъ называемому экономическому материализму, была непосредственнымъ отраженіемъ того экономического переворота, который совершался тогда въ западно-европейскихъ странахъ подъ вліяніемъ развитія крупной капиталистической промышленности. Неудержимый ростъ капиталистическаго производства, поглощавшаго всѣ мелкія предпріятія и притягивавшаго въ города огромныя массы рабочихъ, представлялъ собою именно тотъ стихійный экономическій процессъ, который долженъ былъ послужить основой всего дальнѣйшаго развитія городского рабочего движения. Въ настоящее время эта связь рабочего движения съ промышленнымъ развитіемъ, точно такъ же, какъ и громадныя размѣры рабочихъ массъ, которыя объединяются и организуются подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого экономического процесса, сдѣлались для насъ настолько обычнымъ явленіемъ, что мы склонны иногда недостаточно высоко оцѣнивать значеніе того научнаго открытія, которое представляла собою идея, положенная въ основу программы Коммунистическаго манифеста. Если мы сравнимъ то подчиненное положеніе, какое занимали первоначальныя социалистическія группы въ сороковыхъ годахъ, въ періодъ огромнаго политическаго броженія, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ для самоопредѣленія народныхъ массъ, съ тѣмъ политическимъ положеніемъ, какое занимаетъ городское рабочее движение въ настоящее время, намъ легко будетъ составить себѣ понятіе о пройденномъ пути и о достигнутыхъ результа-

тахъ; а между тѣмъ весь этотъ пройденный путь и всѣ эти достигнутые результаты представляютъ собою не что иное, какъ точное осуществленіе программы Коммунистическаго манифеста. Великая научная заслуга Маркса заключалась въ томъ, что онъ, на основаніи еще далеко не вполне осуществившейся тогда тенденціи капиталистическаго производства и лишь очень слабыхъ признаковъ отраженія этой тенденціи въ общественной жизни, создалъ свою теорію общественнаго движения, оправдавшуюся во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ событиями—въ той промышленной области, на которую распространялось фактически ея вліяніе.

До какой степени эта теорія лишь предугадывала событія, до какой степени ея выводы еще не были тогда доступны простому наблюдателю—видно уже изъ того, что эта теорія и эти выводы очень медленно проникали въ сознание даже наиболѣе выдающихся представителей рабочего движения. Мы уже приводили нѣкоторые доказательства этого изъ исторіи развитія нѣмецкой рабочей партіи, а также имѣли случай убѣдиться въ этомъ на книжкѣ Либкнехта. Изъ общаго построенія этой книжки легко видѣть, что Либкнехтъ еще не переносилъ тогда центра тяжести рабочего движения въ область промышленнаго производства; напротивъ того, онъ видѣлъ ближайшую его задачу въ области аграрныхъ отношеній и далеко еще не придавалъ того исключительнаго значенія развитію крупной капиталистической промышленности, какое должно было-бы быть придано ему съ точки зрѣнія теоріи Маркса,—что вполне соответствовало тому факту, что въ моментъ, когда Либкнехтъ составлялъ свою брошюру по аграрному вопросу, городское рабочее движение было еще очень слабо развито въ Германіи, число ея рабочихъ, охваченныхъ социаль-демократической организаціей, еще не превышало тогда нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, и самое капиталистическое производство въ Германіи едва лишь начинало тогда тотъ свой изумительно-быстрый ростъ, который скоро сдѣлалъ изъ нея одну изъ наиболѣе промышленныхъ странъ въ мірѣ. Только послѣ того какъ это стало уже совершившимся фактомъ, когда всѣ социальныя послѣдствія этого факта уже проявились съ полною

очевидностью и когда нѣмецкая социалдемократія уже насчитывала болѣе миллиона голосовъ, поданныхъ за нее на всеобщихъ выборахъ,—только послѣ всего этого теорія рабочаго движенія, построенная всецѣло на идеѣ промышленнаго развитія, какъ основѣ историческаго процесса, стала широко распространяться въ рядахъ нѣмецкой социаль-демократіи, нашла своихъ выдающихся популяризаторовъ и вульгаризаторовъ, превратилась, соответственно этому процессу популяризованія и вульгаризованія, въ догматическое ученіе и послужила основной идеей для построения новой нѣмецкой социалдемократической программы, составленной Каутскимъ и принятой, какъ извѣстно, на Эрфуртскомъ партейтагѣ въ 1891 году.

II.

Съ момента принятія Эрфуртской программы начинается новый періодъ въ отношеніи нѣмецкой социаль-демократіи къ аграрному вопросу. вмѣсто прежняго чисто-революціоннаго отношенія къ существующей, системѣ землевладѣнія, какимъ было проникнуто во многихъ мѣстахъ страстная рѣчь Либкнехта, прямо ставившаго вопросъ: «должны-ли мы ждать, пока господствующая хищническая система сельскаго хозяйства приведетъ человѣчество ко всеобщему голоду»,¹⁾—теперь вступило въ свои права выжидательное, эволюціонное отношеніе къ этому вопросу; изъ области политики онъ перешелъ всецѣло въ область экономики. Поземельныя отношенія должны были остаться пока неприкосновенными, развиваться соответственно присущимъ имъ законамъ и ждать—такъ сказать—своей исторической очереди.

«Въ настоящее время—писалъ Каутскій въ «Neue Zeit»—наша практическая задача въ деревнѣ ограничивается защитой спеціально-пролетарскихъ, а также общекультурныхъ интересовъ; эта задача достойна усилій лучшихъ людей, но это не такая задача, которая была бы способна вызвать къ намъ антузіазмъ со стороны чисто крестьянскаго населенія²⁾.

¹⁾ «Zur Grund und Bodenfrage», стр. 152.

²⁾ «Socialismus und Landwirtschaft», 1903 г., № 23, стр. 698

Этими словами вполне характеризуется то мѣсто, какое занялъ теперь крестьянскій вопросъ въ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи: этотъ вопросъ совсѣмъ исчезъ съ его горизонта и пересталъ занимать какое бы то ни было мѣсто въ его программѣ.

«Не социалдемократія дѣлаетъ экономическую эволюцію,—читаемъ мы въ комментаріяхъ Каутскаго къ Эрфуртской программѣ;—вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ совершается самымъ основательнымъ образомъ безъ всякаго ея содѣйствія, заботами класса капиталистовъ. Конечно, ей нѣтъ причинъ препятствовать этой эволюціи. Но желать остановить хозяйственное развитіе еще вовсе не значитъ вступаться за дѣйствительные интересы мелкихъ крестьянъ и мелкихъ буржуа. Всѣ клонящіеся къ тому усилія обречены на неудачу, и по скольку имѣютъ хоть какое-нибудь дѣйствіе, она только вредятъ и никому не приносятъ пользы»¹⁾.

Итакъ, согласно естественному теченію событий, повинуюсь закону хозяйственнаго развитія и не пытаясь препятствовать неизбежному вытѣсненію мелкаго сельскаго хозяйства крупнымъ, нѣмецкое рабочее движеніе должно было отнынѣ замкнуться исключительно въ среду промышленнаго и сельскаго пролетаріата и спокойно шествовать по той широкой столбовой дорогѣ, которая была проложена для него ходомъ самой исторіи. Рабочее движеніе должно было развиваться вслѣдъ за развитіемъ крупной капиталистической промышленности, а крупная капиталистическая промышленность должна была, со своей стороны, поглощая мелкія хозяйства, все болѣе и болѣе пополнять ряды пролетаріата. Такимъ образомъ все должно было совершаться съ такою же точностью и приспособленностью къ стоящей впереди великой цѣли, какъ будто бы это былъ дѣйствительно, хорошо задуманный историческій механизмъ. Нѣмецкая социалдемократія напала на слѣдъ историческаго закона, управлявшаго ходомъ ея собственнаго развитія, и ей оставалось только плыть по теченію великаго историческаго потока.

И въ теченіи нѣкотораго времени она дѣйствительно безпрепятственно развивалась на этомъ пути, быстро захватывая одна за другою тѣ области капиталистическаго производства, на которыя распространялось дѣйствіе откры-

¹⁾ «Эрфуртская программа», русское изданіе, Штуттгартъ, 1903 г.

сией, относились именно къ этой области. Одна изъ наиболѣ крупныхъ изъ предложенныхъ мѣръ, а именно, выкупъ государствомъ ипотечнаго долга, вызвала въ партейтагѣ большіе споры, вслѣдствіе того, что не могло быть достаточно выяснено, для какой части землевладѣльцевъ эта мѣра будетъ выгодна: для крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, или же для мелкаго крестьянина. Мюллеръ, делегатъ отъ Мюнхена, утверждалъ, напримѣръ, что мелкому крестьянину эта мѣра не поможетъ, «такъ какъ онъ нуждается прежде всего въ землѣ». Но мы не будемъ входить здѣсь во всѣ подробности происходившихъ прений; мы возьмемъ лишь наиболѣе характерное требованіе, предложенное комиссіей, и затѣмъ постараемся показать, какъ отразились по отношенію къ нему взгляды и тенденціи нѣмецкой социалдемократіи въ области аграрнаго вопроса.

Такимъ наиболѣе характернымъ въ данномъ случаѣ требованіемъ являлось требованіе, касавшееся увеличенія площади государственныхъ и общественныхъ земель и затѣмъ сдачи ихъ въ аренду товариществамъ, а также и отдѣльнымъ мелкимъ хозяевамъ.

Это требованіе клонилось, очевидно, къ тому, чтобы облегчить положеніе мелкаго крестьянина посредствомъ увеличенія его землевладѣнія; это была какъ разъ та поддержка самаго крестьянства, какъ такового, о которой говоритъ Каутскій, какъ о противорѣчившей всей социал-демократической тактикѣ. Здѣсь дѣло шло о томъ, чтобы поддержать мелкихъ крестьянъ въ ихъ теперешнемъ *хозяйственномъ* положеніи, облегчить имъ ихъ теперешнее экономическое существованіе; способствовать имъ оставаться попрежнему мелкими крестьянами.

Такъ какъ процессъ капиталистическаго развитія не уничтожилъ этой категоріи трудящагося населенія, такъ какъ для нея не открывалось пока никакой другой перспективы, въ видѣ перехода въ какую-нибудь другую категорію трудящихся, то очевидно, что представлялось на выборъ одно изъ двухъ: или оставить эту категорію трудящихся безъ всякой экономической помощи, или же помочь ей въ ея теперешнихъ хозяйственныхъ условіяхъ. Вотъ почему было вполне естественно, что аграрная ко-

миссія приравнивала предложенныя ею мѣры относительно мелкаго крестьянства къ мѣрамъ защиты рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Но этотъ взглядъ, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилъ самый рѣзкій отпоръ со стороны Каутскаго.

«Я долженъ оспаривать—говорилъ онъ—эту параллель между защитой наемныхъ рабочихъ и защитой крестьянъ. Относительно защиты рабочихъ мы совершенно опредѣленно заявляемъ, что ихъ хозяйственное положеніе не можетъ быть поднято путемъ вмѣшательства государства, вслѣдствіе чего мы имѣемъ мужество отвергать всѣ предложенія въ родѣ введенія права на трудъ или минимальной рабочей платы,—хотя мы могли-бы многое выиграть этимъ въ агитаціонномъ отношеніи. Мы знаемъ, что мы не можемъ воспрепятствовать процессу развитія капитализма, что мы можемъ лишь заботиться о томъ, чтобы рабочій становился и тѣлесно и духовно болѣе способнымъ къ сопротивленію. Ту же цѣль мы должны ставить себѣ и по отношенію къ сельскому населенію; мы не должны допускать его до вырожденія. Но въ нашей программѣ уже и теперь имѣются соответствующія требованія: я напому о бесплатномъ школьномъ обученіи и объ организаціи государствомъ врачебной помощи. Аграрная же программа, напротивъ того, требуетъ, чтобы мы доставили крестьянину то, чего мы не доставляемъ промышленному рабочему: обезпеченіе хозяйственнаго существованія. Этого мы не можемъ. А если бы мы и могли, то мы достигли бы этимъ противоположнаго той цѣли, какую мы ставимъ себѣ при защитѣ рабочихъ. Ибо если крестьянинъ и тянетъ теперь свое существованіе, то только въ силу того, что онъ страшно эксплуатируетъ свою жену и дѣтей, лишая ихъ средствъ учиться и уничтожая ихъ тѣлесно. Поддержаніе мелкаго хозяйства къ земледѣлію есть лучшее средство способствовать вырожденію населенія; вслѣдствіе этого у насъ нѣтъ никакого основанія поддерживать это бѣдственное существованіе.

Эта рѣчь Каутскаго характерна во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, въ ней еще разъ подчеркивается пассивное преклоненіе социаль-демократовъ передъ процессомъ капиталистическаго развитія, какъ передъ верховной основой всего ихъ социаль-демократическаго бытія; *мы знаемъ, что мы не можемъ воспрепятствовать процессу капиталистическаго развитія!* Любопытно также, что даже государство является безсильнымъ, по мнѣнію Каутскаго, прервать этотъ процессъ, или, иначе говоря, государственное вмѣшательство со стороны рабочаго класса

представляется Каутскому возможным не ранее того времени, когда капиталистическое развитие уже завершит свой полный цикл. Таким образом, или рабочий класс не будет в состоянии, ранее этого времени, настолько овладеть государством, чтобы провести какую-нибудь анти-капиталистическую мѣру, в родѣ установления минимальной рабочей платы, или же, если онъ и овладѣетъ настолько государствомъ, то ему нечего будетъ дѣлать в сферѣ экономическихъ отношений, такъ какъ ходъ экономического развитія долженъ будетъ во всякомъ случаѣ оставаться ненарушеннымъ. Эти нѣсколько фразъ, брошенныхъ Каутскимъ въ качествѣ истинъ, не требующихъ даже особаго доказательства в средѣ социаль-демократическаго собранія, показываютъ, до какой степени велика была въ то время вѣра представителей нѣмецкой социаль-демократіи въ такъ называемую ортодоксальную социаль-демократію въ ея крайнемъ выраженіи.

Что касается самого вопроса о мелкомъ крестьянствѣ, то странно было бы, конечно, ожидать, чтобы аргументація Каутскаго хоть сколько-нибудь соответствовала въ этомъ случаѣ существу дѣла, такъ какъ ходъ этой аргументаціи уже былъ заранее скованъ извѣстнымъ абсолютъ. Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ здѣсь въ одно и то-же время указаніе на страшный экономическій гнетъ, отнимающій у членовъ крестьянской семьи всякую возможность учиться и разрушающій ихъ физическія силы, а затѣмъ напоминовеніе о томъ, что въ социаль-демократической программѣ уже имѣются достаточныя палліативы противъ этого: *бесплатныя школы и даровая врачебная помощь!* Указаніе на прямую и ближайшую задачу социаль-демократіи заботиться о духовномъ и физическомъ здоровьѣ рабочаго класса, — что соответствуетъ в сферѣ городской промышленности повышенію рабочей платы и уменьшенію рабочаго времени — совмѣщается здѣсь съ категорическимъ отказомъ въ какихъ бы то ни было хозяйственныхъ улучшеніяхъ въ положеніи мелкаго крестьянина. Но самой удивительной непоследовательностью является у Каутскаго это крайнее опасеніе даже крошечныхъ палліативовъ в сферѣ крестьянскаго землевладѣнія, эта боязнь малѣйшимъ вмѣшательствамъ нарушить

процессъ капиталистическаго развитія, — и въ то же время слѣпая вѣра въ его несокрушимую силу. Такая прямолинейность была возможна только у такого теоретика-догматика, какъ Каутскій. Самые выдающіеся изъ практическихъ дѣятелей нѣмецкой социаль-демократіи не могли присоединиться въ этомъ случаѣ къ нему. Мы уже видѣли, что Бебель былъ на сторонѣ аграрнаго проекта; Либкнехтъ также защищалъ его и также указывалъ на второстепенный характеръ предлагаемыхъ комиссіей мѣръ: „Дѣло идетъ здѣсь вообще не о принципиальномъ, но исключительно о практическомъ вопросѣ. Среди насъ рѣшительно никто не думаетъ, чтобы мелкое хозяйство могло устоять въ борьбѣ съ капиталистическимъ крупнымъ хозяйствомъ. Чтобы провозглашать такія истины, вопедшія въ нашу плоть и кровь, не стоило собирать партійнаго конгресса. Вопросъ заключается въ томъ, практично ли, въ интересахъ ли партіи выставить тѣ требованія, которыя выставила комиссія?“ И затѣмъ онъ доказываетъ, что для интересовъ партіи это необходимо; а далѣе опять повторяетъ, что „никто изъ членовъ комиссіи не утверждалъ, чтобы предлагаемыми ею мѣрами можно было поддержать землевладѣніе мелкаго крестьянства: мы хотѣли лишь облегчить существованіе крестьянъ — говорилъ онъ — а не гарантировать ихъ, какъ владѣльцевъ“.

И такая позиція, хотя она не шла далѣе чисто практическихъ соображеній и въ сущности сводилась къ политикѣ «удовленія крестьянъ» («Bauernpfang»), привлеченія ихъ въ качествѣ избирателей, — къ той политикѣ, противъ обвиненія въ слѣдованіи которой такъ горячо протестовали многіе изъ ораторовъ и въ томъ числѣ самъ Либкнехтъ, — была тѣмъ не менѣе гораздо послѣдовательнѣе позиціи Каутскаго даже съ точки зрѣнія его собственной теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, если никакія земныя силы, даже силы самого государства не были въ состояніи задержать хода капиталистическаго развитія, то почему было не облегчить существованія мелкихъ крестьянъ въ ихъ переходномъ положеніи, не дать имъ возможности сознательнѣе отнестись къ этому переходному положенію и наконецъ не поставить ихъ въ лучшія условія при самомъ переходѣ отъ мелкаго самостоятельнаго хозяйства въ полную зависимость отъ предпринимательскаго капитала?

Но еще болѣе непонятной становится позиція Каутскаго, если мы вспомнимъ, что самая необходимость исчезновенія мелкаго крестьянства уже была подвержена тогда большому сомнѣнiю; мы видѣли, что еще на франкфуртскомъ съѣздѣ Фольмаръ указывалъ, что первоначальныя ожиданія нѣмецкой социаль-демократіи относительно быстраго поглощенія мелкаго хозяйства крупнымъ не оправдались; наконецъ, Каутскій самъ говорилъ въ своей рѣчи, что ходъ развитія въ земледѣліи оказался не тотъ, что въ городской промышленности, причемъ нигдѣ не ссылался на исчезновеніе мелкаго крестьянина, какъ на аргументъ, устраняющій самый вопросъ объ аграрной программѣ; напротивъ того, мы видѣли, что онъ даже счелъ нужнымъ прямо указать на то, что въ Германіи всѣхъ мелкихъ крестьянъ насчитывается только менѣе миллиона, вслѣдствіе чего положеніе нѣмецкой социаль-демократіи въ деревнѣ не могло быть признано по его мнѣнію безнадежнымъ, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ дѣло находилось въ менѣе благопріятномъ положеніи. Очевидно, что это соображеніе уже предполагало въ странѣ извѣстную массу мелкаго крестьянства, какъ не подлежащую исчезновенію, и рассматривало ее, какъ нѣкоторую данную величину, въ предѣлахъ того времени, въ теченіе котораго будетъ развиваться рабочее движеніе. Но въ такомъ случаѣ аргументація Каутскаго въ пользу отказа мелкому крестьянству въ экономической поддержкѣ оказывалась еще болѣе несостоятельной, такъ какъ она имѣла въ виду устранить препятствія, способныя задержать исчезновеніе мелкаго крестьянства, на исчезновеніе котораго не имѣлось никакого основанія рассчитывать.

Изъ видныхъ ораторовъ сторону Каутскаго поддерживали во время преній Цеткина, Фишеръ, Аронсъ и Шилпель; за проектъ аграрной коммисіи высказались кромѣ уже упомянутыхъ нами Бебеля, Либкнехта и Кварка, Молькенбургъ, Давидъ, Шенланкъ; Фольмара не было на партійномъ съѣздѣ. Но огромное большинство собранія было настроено противъ проекта, такъ что для его сторонниковъ скоро выяснилось, что они защищаютъ безнадежное дѣло. Со времени франкфуртскаго съѣзда въ настроеніи партіи произошелъ поворотъ. Большинство членовъ, вотировавшихъ

франкфуртскую резолюцію, было напугано воображаемымъ отступленіемъ отъ партійной программы. Очевидно было, что уже самая идея о крестьянствѣ и о какомъ-то вторженіи въ сферу дѣйствія экономическаго закона казалась очень опасной. Хотя мы уже видѣли, что сама по себѣ франкфуртская резолюція вовсе не отличалась аграрнымъ радикализмомъ, но за нею чувствовалась опасная тенденція. Вотъ почему Бебель, который по свидѣтельству Либкнехта только по недостатку времени не воспротивился принятію франкфуртской резолюціи, говорилъ на бреславскомъ съѣздѣ, что аграрная коммисія вовсе не желала слѣдовать ей: «То, что мы предлагаемъ вамъ, говорилъ онъ, даже отдаленнѣйшимъ образомъ не напоминаетъ того, чего требовала отъ васъ франкфуртская резолюція (восклицанія: совершенно справедливо! это правда). Тамъ вы позволили захватить себя врасплохъ. Я далъ себѣ слово, насколько зависить отъ меня, никогда больше не способствовать такому способу вотированія важныхъ резолюцій. Она была состряпана наскоро, кое-какъ». Другой членъ аграрной коммисіи, Молькенбургъ, также заявилъ, что онъ не шелъ такъ далеко какъ франкфуртскій съѣздъ, что онъ даже не подалъ голоса за франкфуртскую резолюцію и теперь не сталъ-бы вотировать за нее потому, что она выставила невыполнимыя требованія. Еще опредѣленнѣе высказался нѣкто Киммельъ.

«Мы расплачиваемся теперь за грѣхи франкфуртской резолюціи. Коммисія не могла поступить иначе, чѣмъ она поступила: она была уполномочена выработать проектъ мѣръ для поддержанія крестьянства.

... Въ этомъ франкфуртская резолюція противорѣчила принципиальной части нашей программы. Мелкому крестьянству вообще нельзя больше помочь; социалдемократія не можетъ его завоевать...» и т. д.

Въ концѣ концовъ проектъ аграрной коммисіи былъ отвергнутъ, а контръ-предложеніе Каутскаго принято большинствомъ 158 голосовъ противъ 63, причемъ изъ принятаго текста были только вычеркнуты слова: «и этимъ способствуетъ оживленію въ крестьянствѣ собственническаго фанатизма».

Такъ закончился этотъ критическій періодъ въ исторіи развитія партійнаго отношенія нѣмецкой социалдемократіи

къ аграрному вопросу, послѣ чего этотъ вопросъ вступилъ въ Германіи въ фазисъ теоретической разработки, о нѣкоторыхъ результатахъ которой намъ уже пришлось говорить выше, въ связи съ вопросомъ объ устойчивости мелкаго хозяйства въ земледѣліи. Но прежде чѣмъ закончить нашъ по необходимости далеко не полный обзоръ, намъ необходимо сказать еще нѣсколько словъ о томъ, что въ сущности представляло собою это меньшинство, это аграрное теченіе въ нѣмецкой социалдемократической партіи, руководимое Фольмаромъ, Давидомъ, Шенланкомъ и др.? носило-ли оно дѣйствительно характеръ принципиальнаго расширенія рамокъ известной намъ теоріи или же это былъ не болѣе какъ новый переизбытокъ на старую тему?

Въ началѣ изложенія бреславскихъ дебатовъ мы высказали мнѣніе, что между двумя столкнувшимися тамъ сторонами по существу не было большихъ разногласій; но затѣмъ изъ самаго столкновенія такихъ противоположныхъ взглядовъ, какіе были высказаны, на примѣръ, съ одной стороны Каутскимъ, а съ другой Давидомъ или Шенланкомъ, могло, пожалуй, показаться, что это мнѣніе не вѣрно и что разногласія на бреславскомъ съѣздѣ дѣйствительно носили принципиальный характеръ.

Такъ, мы видѣли, что по вопросу о принадлежности мелкаго крестьянства къ рабочему классу взгляды Шенланка, который говорилъ, что «сотни тысячъ крестьянъ — не что иное какъ замаскированные сельскіе рабочіе» и что «многія части мелкаго крестьянства доступны для насъ, чѣмъ сельскіе батраки», уже переступали за черту эрфуртской программы и далеко отходили отъ пролетарской точки зрѣнія Каутскаго; точно такъ же, когда Давидъ, защищая требованіе о предоставленіи общинамъ преимущественнаго права на покупку продающихся съ аукціона земель, говорилъ, что требованіе это «соотвѣтствовало стремленію комиссіи увеличить общинныя владѣнія и постепенно превратить административную общину въ хозяйственную», то въ этомъ опять-таки какъ-бы просвѣчивала идея, рѣзко противорѣчившая представленію о полномъ господствѣ капитализма, какъ наиболее желанной предварительной стадіи развитія. Наконецъ, даже въ рѣчи Бебеля мы встрѣчаемъ горячую защиту общиннаго земле-

владѣнія: «Каждый гектаръ, обращенный въ общинное владѣніе — говоритъ онъ — долженъ радовать насъ, ибо позднеѣ онъ избавляетъ насъ отъ экспропріаціи и облегчаетъ націонализацию всѣхъ земель. Такимъ образомъ поддержаніе и расширеніе общиннаго землевладѣнія лежить въ нашихъ интересахъ».

Все это какъ будто противорѣчитъ нашему утвержденію объ отсутствіи во всѣхъ аграрныхъ попыткахъ нѣмецкой социалдемократіи какихъ-нибудь серьезныхъ признаковъ аграрнаго социализма. Но дѣло въ томъ, что всѣ тѣ требованія, которыя были выставлены бреславской комиссіей, даже по признанію самыхъ убѣжденныхъ ея членовъ, не имѣли въ виду выйти изъ рамокъ капиталистическаго развитія общества. Одно это ограниченіе уже опредѣляло собою характеръ всего предпріятія, такъ какъ аграрный вопросъ, какъ вопросъ самостоятельный, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вмѣщенъ въ предѣлы капиталистическаго развитія. Аграрный вопросъ есть, прежде всего, вопросъ объ одномъ изъ устоевъ, объ одномъ изъ принциповъ существованія самого капиталистическаго общества, между тѣмъ какъ аграрная комиссія дѣлала изъ него лишь вопросъ рабочаго движенія въ социалдемократическомъ пониманіи этого термина; она имѣла въ виду лишь расширить рамки такого рабочаго движенія и доставить городскому пролетаріату новыхъ союзниковъ. Но легко показать, что въ этихъ предѣлахъ аграрный вопросъ не можетъ быть поднятъ до своей принципиальной высоты. Рабочій вопросъ по отношенію къ трудовому крестьянству имѣетъ свою особую экономическую основу, отличную отъ той основы, на которой развивается городское рабочее движеніе. Последнее дѣйствительно не можетъ быть отдѣлено отъ развитія капиталистическаго способа производства, которое создаетъ самые элементы этого движенія, организуетъ ихъ и кромѣ того ставитъ имъ ближайшія, конкретныя цѣли борьбы. Эти ближайшія цѣли борьбы, въ видѣ непосредственныхъ экономическихъ улучшеній, несомнѣнно обусловлены развитіемъ самаго производства, т.-е. развитіемъ техники и накопленіемъ національнаго богатства; ростъ промышленности представляетъ собою въ этомъ случаѣ какъ бы одну изъ необходимыхъ

Л. Шишко

Рабочее движеніе

и

его аграрная программа в Германіи
М.: Молодая Россія, 1906

сторонъ рабочаго движенія, его экономическую подкладку. Что касается рабочаго вопроса въ деревнѣ, то для него уже не существуетъ этой тѣсной связи между капитализмомъ и рабочимъ движеніемъ, — поскольку, конечно, рѣчь идетъ здѣсь не о сельсконаемныхъ рабочихъ а о трудовомъ крестьянствѣ. Трудовое крестьянство самымъ существованіемъ своимъ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи крупнаго капиталистическаго производства въ сферѣ его экономической жизни и слѣдовательно о неприменимости къ ней той формы рабочаго движенія, которая развивается въ городахъ. Городское рабочее движеніе построено на принципѣ *обобществленія труда*, обобществленія самого производства, которое достигается еще капитализмомъ и которое развивается вмѣстѣ съ его развитіемъ; этимъ именно и обуславливается та неразрывная экономическая связь между капитализмомъ и городскимъ рабочимъ движеніемъ, о которой мы говорили выше. Но рабочее движеніе въ средѣ трудового крестьянства *не можетъ быть* построено первоначально на почвѣ техническаго обобществленія труда, такъ какъ трудъ его является необобществленнымъ уже вслѣдствіи самыхъ условій земледѣлія. Пока существовала увѣренность въ полномъ единообразіи экономическаго развитія, въ предѣлахъ капиталистическаго строя, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, до тѣхъ поръ отсутствовало и это представленіе о невозможности построить сельскохозяйственное рабочее движеніе на почвѣ обобществленнаго труда; но затѣмъ самый фактъ былъ установленъ твердо: въ предѣлахъ капиталистическаго развитія значительныя массы трудового крестьянства *должны* оставаться разбросанными по мелкимъ хозяйствамъ: таковъ законъ самого капитализма. Теперь спрашивается: какой-же высшій принципъ, какая связующая идея являются при такомъ положеніи дѣла единственной возможной основой для крестьянскаго движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ научнымъ разрѣшеніемъ даннаго экономическаго положенія?

Въ настоящее время въ нѣмецкой экономической литературѣ намѣчается новое теченіе, представителемъ котораго является Давидъ; это теченіе усиленно разрабатываетъ идею экономическаго преимущества мелкаго хозяйства въ земледѣліи; исходя изъ факта устойчивости мелкаго

и средняго крестьянскаго хозяйства среди условій самой ожесточенной капиталистической конкуренціи, это теченіе стремится возвести данный фактъ въ социальный принципъ, имѣя, повидимому, въ виду построить на немъ какое-то рѣшеніе аграрнаго вопроса.

Но всѣ такого рода попытки должны быть заранее осуждены и отвергнуты, поскольку онѣ связываютъ систему мелкаго хозяйства съ *системой мелкаго земледѣлія*, — такъ какъ, каковы бы ни были экономическіе преимущества мелкаго хозяйства — если-бы даже таковыя были доказаны, — но уже самыя свойства системы мелкаго земледѣлія уничтожаютъ въ корнѣ всѣ эти преимущества, разъ только вопросъ будетъ разсматриваться съ точки зрѣнія не сельскохозяйственнаго, а общественнаго вопроса, какимъ несомнѣнно является аграрный вопросъ. Пока рѣчь идетъ лишь о *техническихъ* преимуществахъ той или другой системы сельскаго хозяйства, до тѣхъ поръ мы еще ничего не можемъ сказать объ ея общественномъ значеніи; очень выгодная система сельскаго хозяйства часто оказывается очень выгоднымъ социальнымъ явленіемъ. Но что касается системы мелкаго земледѣлія, то социальное значеніе ея уже давно установлено. Въ силу своего основнаго экономическаго принципа, эта система неизбежно ведетъ къ обнищанію большинства мелкихъ собственниковъ; эта истина была доказана еще во времена книжки Либкнехта «Zur Grund- und Bodenfrage». Каковы бы ни были достигнутыя при господствѣ этой системы техническія усовершенствованія въ области крестьянскаго земледѣлія, — съ помощью-ли агрономическихкихъ школъ, странствующихъ профессоровъ или кредитныхъ учреждений, — всѣ эти усовершенствованія могутъ имѣть значеніе лишь для отдѣльныхъ группъ хозяевъ, но по отношенію къ трудовымъ массамъ крестьянства они будутъ развиваться о непреодолимую силу даннаго основнаго экономическаго принципа. Вотъ почему разрѣшеніе аграрнаго вопроса ни въ какомъ случаѣ не можетъ лежать на пути развитія сельскохозяйственной техники, въ рамкахъ капиталистическаго строя, такъ же какъ къ разрѣшенію его совершенно неприменимо организующее вліяніе крупнаго капиталистическаго производства.

Итак ни общественная форма труда, ни развитие техники—эти два творческих принципа капиталистического строя—не могут служить исходной точкой рабочего движения в сельскохозяйственной области, не могут дать той экономической почвы, на которой можно было бы построить разрешение аграрного вопроса. И тот, и другой принципы одинаково парализуются в данном случае изолирующей системой землевладения. Вот почему, по отношению к трудовым массам крестьянства, возможна лишь одна действительно научная и принципиальная постановка рабочего вопроса: а именно та постановка, которая разрушала бы эту изолированность и эту разединенность экономического положения и создавала бы вместо нея единство. Но это может быть достигнуто лишь переибы в самой системе землевладения, т. е. в том основном принципе, который имет отношение к средствам производства. Таким образом, в области сельской промышленности вопрос о средствах производства ставится самым положением дла впереди вопроса о формах труда, о *английской форме производства*, являющемся, как мы уже видели, основой рабочего движения в области городской индустрии. Там объединяющим экономическим принципом является, прежде всего, техническое обобществление самого труда; здесь исходной точкой движения должен служить принцип обобществления средств производства.

Но обобществление средств производства не только не вытекает из условий развития капиталистической промышленности, как вытекает из них общественная форма труда при крупном капиталистическом производстве, но, напротив того, оно совершенно несовместимо с ними; оно не только не укладывается в рамки данного капиталистического строя, но, напротив того, оно отрицает самую его основу. То рабочее движение, которое создается на условиях капиталистического производства и развивается вместе с его развитием, находится как бы в известной родственной связи с тою экономической атмосферою, которою оно питается,—до такой степени, что теоретики этого движения даже ставят, как мы видели, своей задачей воздерживаться от всего

того, что «нарушает капиталистическое развитие общества» (речь Бебеля); с другой стороны, то рабочее движение, которое должно быть построено на принципе обобществления средств производства, должно по необходимости, на первых же своих шагах, сталкиваться с принципом капитализации средств производства, т. е. с основным принципом всего капиталистического строя. Вот почему все программные требования, которые были выданы сторонниками аграрного движения в немецкой социалдемократической партии и которые, как мы видели, не выходили из пределов развития капиталистического способа производства, в сущности не выходили из рамок прежней программы и лишь очень поверхностно, в виде палиативов, касались основного, принципиального вопроса аграрной области. Эти требования останавливались в самом начале нового пути: они не только не провозглашали его основной идеи, но даже торжественно отрицали ее, и в этом заключалось их полное бессилие. Если бы даже все предложенные аграрной комиссией меры были приняты, это ни в чем не изменило бы общего положения дла, и противники проекта были правы, когда говорили, что аграрная комиссия предлагала капиталистическому государству такие реформы, которые не могли быть им осуществлены *с пользою*. Они были правы также и тогда, когда говорили, что авторы проекта обещали крестьянам то, чего они не могли выполнить, и, в сущности, стремились лишь к привлечению крестьянства к своей избирательной программе.

Л. Шинко.

1946 г.
м.к. 2696. Р. АНТ № 370/31

И 54 $\frac{Б-6}{1}$

И 54

И 54 $\frac{Б-6}{1}$

Книгоиздательство «МОЛОДАЯ РОССИЯ».

Л. Шишко.

**Рабочее движение
и его
аграрная программа
въ Термахи.**

Цена 20 коп.

МОСКВА,

Типографія А. П. Поплавскаго, Покровка, Лялинъ пер., соб. домъ.
1906.

